

Нет, он определенно в нас что-то разрушил, иначе откуда оно взялось, это странное ощущение горького праздника, когда «болит» большое все больнее, все злей и бесконечней и наслаждается своей историей болезни».

Так хорошо жилось и гнилось. Вдруг, на тебе — Высоцкий! Пришел, встал с гитарой посреди России, пропел все, а ведь и поперек, да не просто пропел — прохрипел! Грубо, без милосердия к людям, убежденный в своем счастьем существовании. Такое о нас рассказывал, что, поди, не каждый на исповедь снесет. И уже «ни церковь, ни кабак, ничего не свято», и мы уже вроде другие. Наше внутреннее, молчаливое несогласие с существующим порядком жизни обрывает голос: поем его песни, читаем стихи, обсуждаем роли.

Высоцкий — центр внимания, о нем думает целый народ. Хорошо ли, плохо, однако думает. Его невозможно прогнать из мыслей. В этом много неудобства и безнадежно грустной правоты поэта...

Почему же он к нам возвращается? Не знаю. То ли время его не ушло, то ли нет для него времени. Не знаю...

Артист МХАТа Всеволод Абдулов (помните: «Абдулов Сева, Севу каждый знает») будучи на гастролях в Сибири, рассказывал:

«...Москва жарилась, точно яичница на солнечной сковородке, пить хочется, а в кармане ни копейки. В сердцах кулаком по автомату — бац! И надо же! Ящик понимающе хрюкнул, наполнил мой стакан газировкой с апельсиновым сиропом. Володя обрадовался, хотел то же самое повторить, но кто-то напел мелочью крикнул: «Постой, чудак!» Высоцкий замер. Постоял немного в задумчивости и пошел ни на кого не обращая внимания.

«Нипка», та самая, у которой был роман со всей Ордынкой, написана через полтора часа. Еще через неделю песня стала гимном московских подворотен. Время было такое... Сейчас пытаюсь вспомнить: кто из наших замечательных поэтов не отдал дань подворотням московским, питерским, рязанским и т. д. Не вспомнил, потому снова буду говорить о Высоцком.

Его появление в доме Абдуловых (актерский дом на улице Немировича-Данченко) нельзя назвать случайностью. Он хотел сюда войти. Здесь бывали Мейерхольд, Ахматова, Габель, Зошенко, Олеша, Светлов. Хорошие люди здесь бывали. Даже когда умер хозяин дома знаменитый артист Осип Абдулов, друзья не изменили старому пристанищу. Не напугал их и молодой человек с гитарой, который пришел с собой свои дерзкие уличные песни. Они видели, им это было дано — он талантлив и более того — свободен, последнее обстоятельство, на мой взгляд, определило в значительной степени огромную популярность Высоцкого.

Таланту всегда приходится выбирать между свободой и необходимостью. Первый выбор требует стоического мужества, часто исключает близкое признание, а то и саму жизнь, но только свободный талант способен говорить с совестью каждого человека... При способленчестве калечит дар.

Парящая над правдой жизни мысль неуверенно простирается в абстрактное будущее, проскакивает, как нечто незначительное душевное самочувствие маленького индивидуума. Конформист, ему так выгодно, не хочет видеть в нем человека, забывает про его личное неустроенное житье-бытье. Оно навсегда потеряно в буднях великих войн, строек, полетов в космос, в повышении благосостояния трудящихся. Только ведь откуда от прошлого не денешься: в атаку поднимались люди чьи отцы и братья, матери и сестры гибли в лагерях Колымы, Тайшета, Коми. Те же люди зарили сверхчеловечий металл. Сняли хлеб и эскапировали детей. С какой душой! Им пытались отшибить память восхищенными воспоминаниями с прошлым, но сердце хранило обиду. Они научились говорить не то, что думали, но ведь думать-то все равно думали. Кто понял их душевное смятение, с сочувствием к нему отнесся?

Такого писателя в нашей литературе не нашлось. Однако он появился в 60—70-е годы. Существовавшей идеологической и нравственной монополии Владимира Высоцкого противопоставил живого, покаленного действительностью героя. Это он, поэт, родившийся и пребывавший под знаком глубокого обмана, встал и прохрипел с вызовом:

В те времена укромные
Теперь почти брызговые,
Когда зрела огромная
В эти этапы динные
Их брали в час зачатия
А многих даже ранее...

Заметные писались строки тоже в годы культа Личности не было репутация того, кто «пересоздал ум людей и душу», оберегалась строго.

Балладу о детстве, строки из которой я процитировал, Высоцкому исполнять категорически запрещалось, однако в июле 1976 года он ее спел у старателей.

Здесь его очень ждали, но концерт чуть было не сорвался из-за плохой погоды.

...Капризный, непредсказуемый летом север Иркутской области. Вертолет завис над крохотным поселком старателей участка Хомолха Слева от глыбов заходит большая, налитая темной водой туча, медленно, но неотвратимо закрывает горизонт.

— Это надолго! — кричит пилот Высоцкому — Поворачиваемся в Байдайбо!

— Прошу вас — садитесь! Я обещал...

Вертолет со снайперской точностью на ровный пятачок посреди изрытых бульдозерами полигонов опустился и тут же умчался в незабываемое тучей небо.

...Семь жилых домиков, рубленых из тонких (тайга в тех местах силу набрала не успевает) деревьев столовая, баня да глухие лысые совы вокруг, в них даже эхо не живет. Что касается самих старателей, так они явление временное; взяли что положено, и ушли дальше ловить удачу. Артель здесь работала знаменитая по названию «Лена», а руководил артелью Владимир Иванович Туманов. Это он привел Володю в суровые края. Высоцкому, совсем неожиданно, место понравилось. Он говорил пробаушкой обнаженную ножом бульдозера мерзлоту.

— По острой грани бытие движется. Живое и мертвое рядышком.

Вечером его будут слушать пятьдесят усталых мужчин, большинство из которых трудно чем-либо удивить. Люди серьезные, как принято говорить с большим жизненным опытом. Кочевые старатели.

Он не спросил их, что обычно спрашивали все посещающие участок гости: «Золото во-руют?» Он спросил:

— Что вас здесь греет ребята?

Волосы Мокрогузов перебрели в угол рта сигарету:

— Знаю, за что работаю. Потому и умую, потому и хожу.

И другой, усатый, в аккуратной спецовке

украинец, казалось бы, ко всему безучастный, вдруг оживился:

— Здесь все на сознании держится: хошь — пашин, не хошь — чеши. Никто тебе не оставит. А там, на материке, усь — на собраниях. Тилько за любое красное слово автомобиль не купишь.

Володя смеется и ничем не отличается от окруживших его старателей, разве что кожа не успела загрубить от злых северных ветров. Похоже, он нашел то, что искал. Поэт раскост нам это немного погоды, а нынче хочется просто поговорить с настоящими мужиками. Отборный народ, и не всякого в эту глушь корысть привела. Иной десять лет старается — ни кола, ни двора не нажил, а кого прошлое тяготит, не обывка человек в нормальной жизни. Именно таких Володя подмечал, не парекая обличающими словечками, пытался понять, разобраться в запутанных судьбах людей, отделивших себя от удобного мира — материка, как зовут старатели всю остальную землю. Они охотно рассказывали ему о себе, сближение происходило незаметно, через доброе слово, через что-то еще не совсем

все. Окна, двери открыты настезь. Высоцкий тронул струны гитары...

Мы слушали его под шум дождя. Непречтенные истины, томившиеся в нас немими заговорниками, словно обрели хрипловатый голос. Выхрь звуков, но путаницы чувств нет. Каждое слово накалено до предела, жжет душу, так что терение на грани. Только ведь если душа закрыта, то и пламя больших оркестров не пробьется, а здесь принимается, ма-етя вместе с ним. И в кровь нашу входит благодарность миру, где рождаются такие люди.

Но не только свое искусство, но и себя всего приносил он на сцену. Это, конечно, дар неотторжимый, пожелай даже поступить иначе — не смог бы. Страсть, любовь, ненависть, не игра, живьем отдавал, как в чудесном прозрении. А гас столько живого напавшего? Потому, должно быть, и ушел рано, что не берегся, не берег, отдавал. Впрочем, не только поэтому...

Мы тогда молчали все четыре часа, ни хлопья он не получил — время экономил. Хотя знали — чудо не вечно, и с последним аккордом почувствовали прелесть утраты. Володя

искры уважения к человеку. Сырая двуногая злость, мучающая и себя, и мир божий. Как бы им знать, что человек этот, даже если по нему таик придет, на последнем вздохе за гусеницу его укусит. Но они в другом убеждении пребывают: в полной своей безнаказанности. Тогда Володя встал, сбросил куртку, а у меня четко так пронеслось в голове: «Я не люблю, когда мне лезут в душу, особенно, когда в нее плюют!» Он ведь не только писал, он и поступал так, как писал. Слово под силу многим, поступок — избранным.

К счастью, рядом сидели геологи, они-то и утомляли хулиганов. Неприятная история скоро забылась. Сибиряки принимали Володю с открытой душой. Был даже такой случай, Юрий Андреевич Елистратов, первый секретарь Байдабинского горкома КПСС, которого мы встретили в гостинице, подошел, представился, да так и пошел с нами. Мы нервничали, ведь народ не слепой, поди, уже подметили и доложить куда следует. Рискнет секретари на неприятность нарваться. Но он идет, смеется, спорит. То ли по простоте душевной не разобрался в ситуации, то ли не уважает он те доносы и плеватель на них хотел. Когда Юрий Андреевич был в Москве, Высоцкий приглашал его на свои спектакли.

Людей, в которых горело пусть не пламя, пусть свеча — крохотный огонек собственного смысла жизни, Володя подмечал, тянулся к ним, и напротив, избегал встреч с теми, кто имел предначертанные судьбы (читай — карьеру). Он был убежден, что существует человек толпы, или человек для толпы, то есть тот самый, в котором погасла свеча собственного смысла жизни. Потому толпа вызывала в нем раздражение.

В Байдабы он впервые завел разговор о фильме, который собирался снять сам. Местом действия должна была стать Колыма, надо сказать, колымские мотивы, настроения про-рываются во многие его стихи и песни. «Всесо-росийская плаха» притягивает Володю своим угрюмым прошлым. Он ищет свидетелей, он их находит. Одним из героев фильма должен был стать Владимир Иванович Туманов, пожалуй, наиболее экзотическая личность в окружении Высоцкого. В чем-то широкий, открытый, в чем-то откровенно узкий, острый, как бритва, Туманов не уместился в отведенном ему коридоре жизненной деятельности, потому являлся постоянным раздражителем для сонных министерских чиновников и других компетентных органов, присматривающих за нашим уставным поведением.

Однажды, это произошло осенью 1979 года, Володя сказал мне: — Давай напишем фильм о Валдике, о Колыме, о таких, как те, с кем ты работаешь?

Это было неожиданно, но мне понравилось. Мне очень понравились! Я согласился быстрее, чем того требовали правила хорошего тона.

Работать над сценарием мы начали позднее: получился некоторый перекос с личными делами. Но начали.

Знать бы, что так бывает! В первые же дни работы стало ясно — партнер я слабозатый, инкуданный, можно сказать, партнер. Попытки компенсировать обыкновенность старанием оканчивались плачевным результатом: герои получались духовно хилыми, злодеи — все-лыми, на поиски настоящих слов уходила масса времени, и вся моя творческая неустроенность грозила перейти в залою. Володя приносил с собой новую жизнь, яркие, самобытные образы рождались на моих глазах Он говорил:

— Что это у тебя измотанный каторжной работой ээк бежит, как классный спортсмен от сытой собаки? Сто метров — он сбит с ног. И вот здесь, очавшись, потеряв всякую надежду, он дает собаке бой. Делает так...

Высоцкий принимал за левую руку удар собачьих клыков, рынком опрокидывает воображаемого пса и... сам превращается через спинку кресла. Смеется. Он остается сидеть на полу.

— Так Валдик рассказывал... — пытаюсь опра-вдывать я.

Гался? Им владеет страх. Понял? Отчаяние! Ей ведь толкает до глотки дотануться и представление окончено. Сейчас это сложно почувствовать. Двадцать лет прошло. Их надо слушать по-другому, через время...

Он умел слушать через время, сердцем умел слушать, отменял разные дешевые заявления — «я ему как звякнул» и т. д., тонким чутьем художника нащупывал поверхностное и глубинное «я» будущего героя, и эта удивительная восприимчивость человеческой сути помогла Высоцкому создавать то, что он создал, чем славен и бессмертен.

К сожалению, сценарий нам (точнее — ему) закончить не удалось. Жизнь его шла к завершению. И здесь надобно вспомнить один не-приметный случай, когда, возвращаясь в Москву из Сочи, он позвонил и попросил меня встать в аэропорту Шереметьево. Попутчиком Володи оказался Андрей Вознесенский. Они зашли в аэровокзал слегка возбужденные, окруженные вниманием пассажиров. Их фотографировали.

Володя попытался улыбнуться. Улыбка получилась обязательной, как вроде он перед кем-то хранился. Так он никогда не улыбался. Не знаю, право, о чем говорил: о вос-приятных из высшего духовного мира или о простом человеческом предчувствии, но мне показалося — он думал о смерти. Показалося — повторю. Все могло быть иначе. Но вот сию-момент: такая непривычная пустота во взгляде, точно сквозь жизнь смотрит. Может быть, Володя уже уходил от нас или осознавал — дело худо? У всех это случится, но случается по-разному. Как-то встретил в редакции газе-ты «Советская молодежь» Сашу Вавилова. Веселый такой, довольный, сказал, что через неделю с Байкала вернется и поедет на дачу бруснику брату. Пошел было к выходу, но по-вернулся и спросил:

— Думаешь, сколько мне лет?

Я-то знаю, сколько, однако помалкиваю — ученый. Он однажды, по молодости еще, при-гласил меня к тете Хасе (маленькое такое кафе, где частенько бывали писатели, журнали-сты). Ну, я решил — признался, даже к тете Хасе приглашают. Саша угадал мое гордое со-стояние и объяснил:

— Кулаки у тебя крепкие, а там шпана по-является стала.

Вампилов ответа не дождался и сам со сме-хом ответил:

— Не угадаешь — восемьдесят шесть. По-нял?

Что к чему? Стою, думаю, а он ушел счаст-ливый. И не вернулся.

Высоцкий, когда в июне 1976 года прилетел в Сибирь, сразу попросил отвезти на место, где это произошло. Долго сидел от всего от-репешенный, тихий, взглядываясь в зеленые волны священного моря. Поднявшись с зам-шейлой коряги, сказал:

— Знаешь, я все же не верю, что на такое человек руку поднимет. Разве что сумасшед-ный. Нет-нет, думать не хочу! Байкал — свя-тия России. Вампилов святой водой перед смертью омылся. Позвело... И Валентин Гри-горьевич Распутин, дай бог ему здоровья, на этих берегах живет. Святое место.

Л. МОЧИНСКИЙ.

(Окончание следует).

Счастливы ныщий

мне понятное, утверждающее и в нем, и в них надобность такого общения. Один из таких собеседников вскоре посетит квартиру Высоцкого в Москве на Малой Грузинской.

В те дни Высоцкий много работал. Для общения оставались ночи. Три ночи — двенадцать магнитофонных кассет, где уместилась жизнь бывшего вора «в законе», ныне честного старателя Бориса Барабанова.

18 часов исповеди. Борис говорил, то легко чуть с благоватой придурью, скаля в широкой улыбке прокурские зубки, то, казалось, этот веселый человек исчезал, на его месте уже сидел другой, мрачный, и ему невыносимо трудно стлакивать с души тяжкие камни грехов. Вроде бы все — в таком далеком прошлом, а слова падают тот же дух, ту же силу холо-дных лагерных страстей. Шелестуется бо-нша, чтобы не оборвать первую череду лихих воспоминаний. Уходя, Барабанов смущенно го-ворит:

— Вот и расколосил. Тебе. Первому.

Высоцкий улыбнулся:

— Удивительно живем, жаль, удивляться ра-зучились...

Он умел слушать и святых, и грешных, про-являя при этом терпеливое внимание и ту му-дрость, которая открывает кладезь челове-ческой души. Отклик этого доверия по сей день живет в людях.

Каждый год 25 июля в день памяти Влади-мира Высоцкого Анатолий Рашев из Ангарска, Николай Шилев из Иркутска, да мало ли их, душевных холодов, берут за свой счет отпуск и летят в Москву. Страна встречается у его могилы. Здесь происходит человеческое еди-ние, не формальное, потому особо нужное людям, которым надо вернуться и рассказать обо всем своим товарищам, ибо ждут тех рас-сказов. Всем интересно.

Скажет ли кто: почему этого простого рус-ского человека время не выбросило из народ-ной памяти? Задним умом, может, силен наш народ, а может, замени ему просто нету и приложить болную душу не к кому? Ничего нельзя исключать в таком тонком деле без опасения погрешности. Только чула здесь, по моему мнению, искать не следует. Был он зем-ным и разным.

Порою Володю одолевала тоска, и он послал ее в глаза, а в памяти вдруг появлялись провалы, тогда песня скальвалась на каком-то слове. Высоцкий мучительно искал его и ви-деть это (наблюдать) было невыносимо труд-но. Но слово найдено и вставлено в строку с таким хриплым торжеством, что и сам не-волью торжествуешь, только боишься, как бы он голос не сорвал такими шутками. О го-лосе Высоцкого много было разных разгово-ров. Очень хороший, прекрасный просто про-зак Виктор Петрович Астафьев (сибирского человек корня) писал в «Литературной газе-те»: «Нельзя, допустим, петь под Высоцкого: этим хриплым голосом, орущим, несколько еричающим, петь мог только он». Правда, довелось мне 6 августа 1979 года послушать в том же исполнении неаполитанскую песенку, и известный тенор не сдержался:

— Володя, это же Челентано!

— Это подделка, Саша. Шутка для друзей.

Настоящее было «хриплым, орущим, не-сколько еричающим». Для того, чтобы послу-шать настоящего, люди шли по холодной север-ной распутице через лес, болото. Из лесных геологических поселков, кордонов, палаток, зи-мовий.

К вечеру в поселке Хомолха набралось че-ловек около двадцати. Мы ломали голову: откуда бы им взялся? Да и разместить их в столо-вую показалося делом невозможным. Старате-ли заволиновались:

— Товарищ Высоцкий приехал до нас. Очень сожалею, но...

Володя попросил:

— Ребята, давайте что-нибудь придумаем.

Мокут люди.

И минут через тридцать-сорок был готов на-

стоял на сколоченном из неструганых досок помосте. Пот — по усталой улыбке солёным бисером. Добрый такой, приятный человек, я тогдажды нишего встречал, шибко на него похожего. Попался в Москве, счастливый ни-щий среди сытых, по злых горожан. Должно, имел человек что-то поважнее денег. Вот и в Володя вид счастливый, но немного беспомощный — дескать, все, мужики, отработал, весь, как говорится, вышел.

Мужики с понятием, не настаивают, только в волнении мужики, вроде глухарей на току. Любопытно их поведение, мужики, они же задал поэт...

Потом он ушел отдыхать на нары к стара-телям, но никто не расходился до самого утра, да и пекуда было многим уходить. Дождь да-вал рабаину по крыше, под крышей люди говорят о случившемся, без крепких, привычных выраже-ний, словно бы он их очистил от всего худого. Что за сила жила в его слове? Или вся при-чина в том, что изрек слово? Тогда, конечно, таких вопросов не возникало: надобности не было в таких вопросах. Принимали, как есть, живое, необходимое.

Бережный получился разговор, для кого-то единственный в этой жизни скитаний и поис-ков.

Утром — на смену, о прогугах старатели понятия не имеют. Взорветли мощные дизели, стальные ножи рвут вечную мерзлоту. Труд-но крадется к золоту человек, оно же в лег-ких местах не хорошится.

Бульдозеры останавливались часам к десяти. Механизаторы вытирали о спешовки потные ладони, жали ему руку, по мужски твердо, не встраивая. Один гово-рит:

— Фронтоник я, и такую благодарность от всех фронтоников имею. — Заволиновался, ка-шлянул в кулак, никак наладиться не может. Володя ждет, серьезный, с полным к стара-телю пониманием.

— Будто ты, вы, значит, со мной всю войну прошагали. Рядом было. Дайкось обниму вас, Владимир Семенович.

Обнялся, Володя слезы прячет, затормозился к машине.

Фронтоник относился, да и относится к Высоцкому с особым уважением. Он им вер-нул войну, живую, кровотокающую свежей па-мятью. Возможно ли такое? Но ведь слушаем и удивляемся по сей день. Значит, возможно. Один из наиболее серьезных знатоков поэзии Высоцкого Владимир Тростников говорит: «Я считаю, что они (военные песни) представля-ют вершину военного поэтического творчества».

Сегодня дети, внуки, правнуки фронтоников видят войну глазами Высоцкого. Он сумел продлить нашу горькую память. Слушаешь и забываешь, что путь автора не был узким пу-тем солдата, познавшего низкие и высокие от-теснения войны. Я сейчас прочту несколько строк из письма Тамары Прядун (г. Находка, 1982 год).

«...а мама плакала. Знаете, когда плачут седые люди, прошедшие войну и все лишения, связанные с ней, всегда чувствуешь себя в долгу перед ними. Кто был для нее Володя Высоцкий? Просто она знает, как важно мне все это сейчас послушать, прочесть, понять».

...В Байдабинском аэропорту мы сидели вдвоем. Володя что-то писал в блокнот. Скорее всего, дорабатывал песню «Мы говорим не «штормы», а «шторма». Он ее начал писать еще по дороге в Байдабы. Ему в той поездке хорошо писалось.

И тут, как на грех, подошел высокий патла-тый парень, еще не трезвый, из тех типов, кто в карман не за словом лезет. Протягивает ар-тисту Высоцкому гитару, давай, мол, друг лю-безный, пой, весели публику.

Володя отвечает:

— Петь не буду. Работаю сижу. Не надо меня беспокоить.

А патлатый грубит. За спиной еще трое образовалось. Одна компания, даже взгляд один, с хмельным прищуром, без